

**"ПРАВО ЗНАТЬ: история, теория, практика"
N 7–8 (43–44) июль-август 2000 г.**

КОМУ ВЫГОДНО ЗАСТАВИТЬ ЖУРНАЛИСТОВ МОЛЧАТЬ?

И. ДЗЯЛОШИНСКИЙ,
президент Правозащитного фонда "Комиссия по свободе доступа к информации"

Информационная безопасность или информационное развитие

Этот текст представляет собой комментарий к документу, который я, несмотря на все старания, так и не смог увидеть. Речь идет о Доктрине информационной безопасности, которую Совет Безопасности РФ в присутствии Президента принял 23 июня 2000 г. Как говорилось в сообщении по этому поводу: "В ней на первое место вынесено соблюдение конституционных прав и свобод граждан. Развитие отечественной индустрии средств информации, коммуникации и связи, обеспечение выхода отечественной продукции на мировой рынок обозначены во второй группе задач. Третья – это "гарантии безопасности информационных и телекоммуникационных систем". В четвертую входит "информационное обеспечение деятельности государства".

Разговоры об этой Доктрине ведутся довольно давно: то ли с 1994, то ли с 1995 года. Было несколько версий этой Доктрины и несколько попыток ее принять. Теперь эти попытки увенчались успехом. Однако окончательный текст Доктрины так и не представлен общественности.

По информации секретаря СБ Сергея Иванова, появится этот документ в прессе тогда, когда будет окончательно доработан. (Правда, возникает вопрос, как можно принимать недоработанный документ. Но это такой пустяк, что мы не будем обращать на него внимания.)

Название моего комментария очевиднейшим образом носит провокационный характер. Вначале я предполагал назвать его "Информационная безопасность или информационная открытость?", поскольку в таком противопоставлении есть определенная логика. Однако, поразмыслив, понял, что категория "открытое общество", введенная в научный оборот Карлом Поппером и ставшая основой для определенной идеологии, поддерживаемой Джорджем Соросом и понятной очень узкому кругу людей, не вызывает никакого отклика в умах и сердцах большинства россиян. А для многих понятие "открытое общество" вообще кажется очень подозрительным. Зато мысль о том, что развитие России вряд ли возможно без масштабной информационной "подпитки", понятна любому нормальному человеку. Понятно и то, что никакое информационное развитие невозможно без обеспечения информационной безопасности. Точно так же вряд ли возможно обеспечить информационную безопасность, не принимая мер для информационного развития. Однако весь вопрос в приоритетах и пропорциях.

Году в 1997 мне уже приходилось об этом говорить на парламентских слушаниях, посвященных теме "О построении в России информационного общества". И тогда, и сейчас я утверждал и утверждаю, что тенденция все большего засекречивания информации и ограничения свободы информационного обмена, которая наблюдается во всех сферах и на всех уровнях власти в России, представляется значительно более опасной угрозой для перспектив страны, чем потери, связанные с посягательствами на информационную безопасность. Это утверждение опирается на очень простой тезис: качество любых решений определяется полнотой и качеством информации, использованной при подготовке этих решений. Если же индивид, организация, социальный институт отсечены от информации, решения будут в большей или

меньшей степени неадекватными.

Можно понять, почему исполнительная власть так любит ограничивать право на информацию. Информация есть мера нового в сообщении. Следовательно, любая информация не только дает возможность эффективно разрешать общественные проблемы, но и вносит в действительность нечто новое, порождает интеллектуальные и иные искушения, грозит разрушить сложившийся порядок вещей. Зачем исполнительной власти, главная задача которой, по мнению некоторых недаленовидных политиков, – сохранять социальную и иную стабильность, дополнительная головная боль? Поэтому чисто инстинктивно исполнительная власть стремится – как правило, под прикрытием убойного лозунга защиты национальной и иной безопасности – ограничить деятельность всех систем, которые могут нарушить хрупкую стабильность.

Однако поскольку ограничение доступа к информации означает безусловное торможение социального развития, постольку нельзя позволять власти реализовать в полной мере свою мечту о стабильности. В противном случае мы получим через некоторое время такой кризис, последствия которого будут многократно превосходить возможные проблемы, связанные со свободной циркуляцией информации.

Во избежание подобных катаклизмов западные демократии разрабатывают конституционные гарантии, которые запрещают кому бы то ни было вмешиваться в свободу информационного обмена и тщательно следят за соблюдением этих конституционных положений. Ярким примером таких гарантий является Первая поправка к Конституции США, запрещающая даже Конгрессу принимать решения, угрожающие информационной свободе.

И еще один вопрос поднимал я на тех слушаниях – о необходимости поручить Антимонопольному комитету изучить проблему монополизации и концентрации СМИ в России и начать подготовку законодательных и нормативных актов, регулирующих этот процесс. Что касается этой проблемы, то государство ею по-прежнему не занимается, и спасибо Центру "Право и СМИ", а также профессору Михаилу Федотову за то, что в этой сфере хоть что-то предпринимается. А вот с проблемой информационной безопасности дело обстоит хуже. Поскольку специалистов по информационной безопасности у нас много, и все они на государственной службе, и все хотят честно есть свой хлеб, а специалистов по информационной открытости, видимо, нет совсем, или они не очень высовываются, то не исключено, что в скором времени у нас будет полная информационная безопасность. И стабильность. Как в склепе.

Но вернемся к Доктрине. Что касается сформулированных в ней целей, то они сомнения не вызывают. Однако, как не раз говаривал Гегель, результат любого действия определяется не целями, а средствами. Именно средства, которые предполагается использовать для достижения целей, и вызывают некоторое смущение. Хорошим подспорьем для понимания сути этих средств является любопытный документ, появившийся в Интернете и озаглавленный "Принципы международной информационной безопасности".

Особенно рельефно специфика российского подхода к информатизации проявляется при сравнении этих Принципов с той частью Коммюнике Совещания "Группы восьми" на Окинаве 2000", которая называется "Информационно-коммуникационная технология (ИТ)".

Нелишне напомнить, что Президент России Владимир Путин, который выступал на заседании Совбеза при принятии Доктрины информационной безопасности, участвовал в обсуждении и подписании этого Коммюнике.

Анализ появившихся в прессе материалов, посвященных Доктрине, дает основание для нескольких выводов.

Во-первых, чудовище по-прежнему "огромно, стозевно и лаяй" – количество возможных угроз информационной безопасности чрезвычайно велико и многообразно. Это угрозы конституционным правам и свободам граждан, реализуемым в информационной сфере, угрозы духовной жизни общества, угрозы информационной инфраструктуре, угрозы информационным ресурсам.

Развернутый перечень этих угроз включает в свой состав десятки пунктов от противоправного применения средств воздействия на подсознание граждан до закупки за рубежом информационных технологий, средств информатизации, телекоммуникации и связи, имеющих отечественные аналоги, не уступающие по своим характеристикам зарубежным образцам.

Судя по публикациям журналистов, которых допустили на заседание Совбеза, количество угроз не только не уменьшилось, но даже увеличилось. В 1997 году никто не думал о том, что домашние компьютеры и Интернет могут быть источником угроз информационной безопасности. А в 2000 году возникло опасение, что неконтролируемое распространение компьютеров среди населения – не более полезное явление, чем распространение во время войны в "штатских" квартирах радиоприемников. Да и Интернет без границ и фильтрационных пунктов вполне может трактоваться в духе новой доктрины как внешняя и внутренняя угроза информационной безопасности.

Во-вторых, некоторые из этих угроз сформулированы весьма двусмысленно. Вызывают недоумение такие угрозы, как "противоправное применение средств воздействия на подсознание граждан", "пропаганда нравственных ценностей, не соответствующих историческим традициям российских народов", "навязывание ложной информации в сетях передачи данных, линиях связи и системах массовой информации" и т.д.

В-третьих, некоторые эксперты полагают, что эта Доктрина может негативно отразиться на деятельности СМИ. Правда, и Президент и руководители Совбеза уверяют, что свобода слова никоим образом не будет ущемлена. Однако Владимир Путин, выступая на заседании Совбеза, на котором была одобрена Доктрина информационной безопасности, высказался в том смысле, что россиянам не хватает информации о внутренней и внешней политике властей. Секретарь Совбеза Сергей Иванов и глава МИДа Игорь Иванов объяснили слова Президента следующим образом: по причине недостаточной информированности общества о намерениях власти решено в скором времени создать соответствующий государственный механизм, который помогал бы разъяснять действия российского руководства.

Первый заместитель Сергея Иванова Владислав Шерстюк дополнил и конкретизировал слова своего шефа. Он сообщил ИТАР–ТАСС, что для выполнения поставленных в доктрине задач будет "представлен ряд конкретных программ", сроки и объем реализации которых зависят от "ресурсной части бюджета". "Между тем, – отмечает РИА "Новости", – секретарь СБ и глава МИД РФ не стали уточнять, в рамках чего и на какой базе будет создан этот орган или механизм, или инструмент информационного разъяснения".

Журналисты отмечают, что такую структуру уже пытались создать во времена премьер-министра Сергея Кириенко. По некоторым данным, эту идею активно лоббировал тогдашний первый зампред ВГТРК Михаил Лесин. Кириенко даже подписал соответствующие документы. Однако Борис Ельцин, посчитавший, что распоряжения

премьера вполне достаточно, не стал ставить свою подпись. Когда же дело дошло до финансового обеспечения этой структуры, Минфин нашел способы "увильнуть" от этого, ссылаясь, в том числе на отсутствие письменного одобрения президента.

Сейчас этот номер не пройдет. Несколько крупных "проколов" государственного пиара, пришедшихся приблизительно на одно и то же время, видимо, заставили власти задуматься, как "правильнее" информировать общество о своих начинаниях. Однако если причины, дающие властям основание считать необходимым создание такой структуры, лежат на поверхности, последствия организации чего-то подобного Росинформцентру слишком неоднозначны. Особенно на фоне гуляющих по Москве разговоров о том, что уже готовы списки газет, которые после внесения ограничительных поправок в Закон "О СМИ" не пройдут перерегистрации. Можно представить себе, к каким изменениям в информационном пространстве приведут такие действия.

Не внушают восторга и ответы Сергея Иванова на вопросы журналистов о том, как государство, правительство собираются доносить свою точку зрения до общества: "Это можно делать созданием проправительственного холдинга, можно – активным внедрением в интернетовское пространство, агрессивной, пропагандистской политикой, а также путем скрытого найма органов прессы или журналистов, причем не обязательно за деньги – за престиж, за доступ к информации из первых рук. Если политика в этой области будет активной, то в конечном итоге, уверен, выиграют и журналистское сообщество, и свобода слова. Потому что мы получим возможность знать, что происходит".

Но самый главный вывод: в высших эшелонах власти по-прежнему господствует концепция "Россия – осажденная крепость, и вокруг одни враги". И не надо говорить о том, что у российских правозащитников просто аллергия на слово "безопасность", поэтому они так нервно реагируют на название этой доктрины. Аллергия, конечно, есть, но в данном случае не она виной настороженного отношения к данному документу. Хотя и название тоже задает определенный вектор и понимания этого документа, и отношения к нему, и реагирования исполнительных чиновников, которым этот документ будет "спущен" для исполнения. Беспокоит не название, а генеральная установка этого документа – установка на обеспечение информационной безопасности, а не информационного развития страны.

Разумеется, надо заботиться об информационной безопасности. Кто же спорит. Информация в буквальном смысле становится реальной материальной ценностью. Деньги, переводимые через систему электронной почты, технологические "ноу-хау", политические, коммерческие секреты – вся эта информация может быть реализована и преобразована в весьма солидные суммы. Поскольку информация является безусловной ценностью, находятся и потенциальные субъекты, желающие получить эту ценность путем совершения преступлений.

Точно так же никто не спорит с тем, что надо защищать коммуникационные линии, государственную, военную, коммерческую и прочие тайны, а также право на частную жизнь гражданина. Но нашей главной заботой должно быть эффективное использование возможностей информационной революции. Анализ экономики развитых стран показывает, что они достигают своих успехов в значительной степени за счет более глубокого внедрения информационных технологий во все экономические, социально-политические процессы, в жизнь, в быт и главное – в сознание людей. А мы? Если уж пользоваться лексикой руководителя Совбеза, то самой большой угрозой стране в области информационной безопасности является то, что разрыв между информационным развитием России и других стран (понятно, речь идет о вполне определенных странах) резко увеличивается.

Очень любопытно, что на вопрос, преследует ли новая Доктрина цель преодолеть информационно–технологический разрыв между Россией и развитыми странами, Сергей Иванов ответил: "Хотелось бы, чтобы она была направлена на это". (Очень мне понравилось это сослагательное наклонение. – И.Д.). И дальше: "В большинстве откликов на эту концепцию речь идет об информационной безопасности как о защите от негативного воздействия информационной революции. А самое главное – внедрение этой революции, а не защита, хотя, разумеется, она тоже необходима".

Абсолютно правильные слова. Ну, так где же концепция внедрения результатов информационной революции и почему Доктрина информационной безопасности появилась на свет раньше?

Ответ на этот вопрос обескураживающе прост. Цитирую г–на Иванова: "Понятно, что люди, которые традиционно занимаются в Совбезе вопросами информационной безопасности, обеспокоены, прежде всего, тем, чем они привыкли заниматься, – защитой линий, информационных потоков, защитой от проникновения "вредной" информации и т.д. И такой подход имеет право на существование. Причем в этой сфере – спецслужбы, ВПК – как раз больше людей, которые знают и понимают ситуацию в области информационных технологий".

И поэтому, надо полагать, у нас до сих пор не принята давным–давно разработанная российскими учеными Концепция формирования информационного общества в России.

Еще раз повторюсь: общество нуждается в защите информации от противоправных посягательств. Но еще больше оно нуждается в беспрепятственном, своевременном получении информации. Могу даже предложить формулу: если принять все ресурсы, расходуемые на решение информационных проблем за 10, то на информационное развитие надо тратить 6 единиц, а на информационную безопасность – 4. И все будет в порядке. Боюсь, у нас соотношение обратное.

P.S. Когда этот номер бюллетеня готовился к печати, в Интернете появилось следующее сообщение:

"В Калининграде откроется полигон безопасности. Информационной"

В Калининградской области впервые в России введена должность заместителя губернатора по информационной безопасности. Как сообщил РИА "Новости" глава Калининградской области Леонид Горбенко, в области решено создать своего рода "полигон", на котором будут отрабатываться новые для России методологии информационной безопасности, обеспечивающие "верное толкование линии руководства страны". Губернатор подчеркнул, что в настоящее время "информационные диверсии, промывание мозгов, лоббирование интересов определенных групп с использованием запретных приемов воздействия на подсознательный уровень населения тревожит специалистов не только в России, но и во всем мире". На новую должность приглашена московский политолог Татьяна Грозмани, входившая на президентских выборах в 1996 году в инициативную группу Бориса Ельцина.

Комментарий: Интересно, что полигон решено было создать на самой окраине страны, в оторванном от основной территории анклавом, свободной экономической зоне с приграничными западными связями и очень убогим уровнем жизни. Объективно на таком полигоне заложена почва для "промывания мозгов, запретных приемов...", etc. Но, может быть, этими приближенными к боевым условиям и руководствовались власти Калининградского анклава?..

Татьяна Грозмани в настоящее время является генеральным директором и главным редактором журнала "Политика", ревностным сторонником путинской реформы власти и президентской республики. Сама она накануне президентских выборов писала: "Единственно правильный путь для России – это путь укрепления исполнительной вертикали во главе с Президентом". И в этом смысле человек выбран верный. Но вот место...